

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

ЧАСТЬ I НАЧАЛО БУМА

1	Гибель бизонов	23
2	Скот за деньги	38
3	Рождение города скотоводов	60
4	Развлечения в городе скотоводов	71
5	Поджигание фитиля	96
6	Аристократы-ковбои	118

ЧАСТЬ II КОВБОИ И КОРОЛИ СКОТА

7	От скотопригонного двора до ресторана	147
8	Возвышение Шайенна	163
9	Колючая проволока: дьявольская веревка	190
10	Замок Фрюэна	199
11	Борец за природу	225

ЧАСТЬ III БУМ ИДЕТ НА СПАД

12	Тедди Блю и вечеринки в галстуках	245
13	Мортал Руин	270
14	Покер на акционерных принципах	285
15	Большой падёж	301
16	Падение Шайенна	317

ЧАСТЬ IV
ГВОЗДИ В КРЫШКУ ГРОБА

17	Проблема скотокрадства	335
18	Убийство Нейта Чемпиона и война в округе Джонсон	354
19	Президент-ковбой	386
20	Заккрытие пастбищ	398
21	Неудачные вторые акты	411
22	Мифы Старого Запада	427
	Послесловие. «Навеки выбитый из седла»	443
	Благодарности	453
	Библиография	459
	Примечания	473
	Предметно-именной указатель	501

Быть ковбоем — приключение;
быть хозяином ранчо — власть.

УОЛТЕР ПРЕСКОТТ УЭББ. ВЕЛИКИЕ РАВНИНЫ^{*,1}

* Уолтер Прескотт Уэбб — историк американского Запада. — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Летом и осенью 1886 г. на просторах американского Запада происходили странные природные явления. В Дакоте, Монтане и Вайоминге небо временами затягивало такой густой дымкой, что вокруг солнца образовывалось бледное гало. Необычайно сухая и жаркая погода вызвала пожары в прериях. Шумные стаи саранчи Скалистых гор¹ пожирали остатки травы.

Уроженец Шотландии Джон Клей, управляющий компании Cattle Ranch & Land, отправился осматривать пастбища Вайоминга по старому маршруту «Пони-экспресса»*, через Лост-Солджер и Крукс-Гэп: «По обочинам не росло ни травинки. Мы проехали много миль по пастбищам. Скот отощал, а траву можно было найти разве что на каком-нибудь болоте или там, где весной речка выходила из берегов. Такие поездки — сущее мучение. Там вы беспомощны. Для молодняка не было рынка, у бычков постарше не хватало жира, а коровы и телята выглядели жалко и убого»². Клей не мог избавиться от дурного предчувствия.

* «Пони-экспресс» — американская компания, доставлявшая конную почту от Сент-Джозефа (штат Миссури) до Сакраменто на Западном побережье в 1860–1861 гг.

Линкольн Лэнг, владелец ранчо³ в Бедлендсе*, обратил внимание, что бобры неистово трудятся, строя стены свои хаток и запасая на зиму необычно большое количество молодых побегов. Другие отмечали, что зимняя шерсть лосей и оленей вапити стала густой и тяжелой. Птицы (в частности, американские свиристели и канадские гуси) сбились в стаи и улетели на юг на целых шесть недель раньше обычного.

В Монтане ветеран-гуртовщик Эдвард Чарльз (Тедди Блю) Эбботт заметил полярных сов, сидевших на дугласовых пихтах, и остановил лошадь, чтобы рассмотреть их издалека. За 16 лет, проведенных на открытых пастбищах, он никогда не видел таких птиц.

Босс Тедди Блю, богатый скотовод и бывший золотодобытчик Грэнвилл Стюарт, тоже обратил внимание на этих сов. Вождь⁴ одного из местных племен индейцев погрозил Стюарту пальцем и предупредил, что эти птицы — духи — предвестники грядущей суровой зимы.

Скотоводы к тому времени начали проявлять недовольство. Цены на говядину уже несколько лет падали, и это вынуждало многих из них поставлять на рынок меньше животных. Поэтому на открытых пастбищах — и без того переполненных — скота стало еще больше. Проблема усугубилась тем, что в июле предыдущего года Гровер Кливленд подписал президентский указ, в соответствии с которым стада были согнаны с гигантской Резервации шайеннов и арапахо, охватывающей большую часть Колорадо и южную часть Вайоминга. Скотоводы перегнали многие из этих стад, насчитывавших в совокупности около 210 000 голов, на северные пастбища, а затем перемещали их из долины в долину, как фигуры на гигантской шахматной доске, в попытке отыскать скудную траву и воду в местах, еще свободных от внезапно все заполонившей колючей проволоки.

* Бедлендс (от англ. *badland* — «гиблая земля») — регион к востоку от Скалистых гор.

Многие опытные скотоводы разбогатели во время этого бума — величайшей сельскохозяйственной экспансии, которую когда-либо видела страна. Однако владельцы ранчо беспокоились из-за того, что, пытаясь угнаться за быстро развивающейся отраслью, они чрезмерно расширили свою деятельность и набрали слишком много кредитов. По некоторым оценкам, общий объем инвестиций в скотоводстве превысил капитализацию всей американской банковской системы⁵. Согласно некоторым данным, в Шайенне (штат Вайоминг), эпицентре бума, был зафиксирован самый высокий в мире медианный доход на душу населения⁶. В скотоводческую отрасль тогда вкладывали деньги многие богатейшие люди страны — Маршалл Филд, Рокфеллеры, Вандербильты, Флаглеры, Уитни, Селигманы, Эймсы.

Открытые пастбища Великих равнин были переполнены дельцами, новыми деньгами и гигантскими скотоводческими конгломератами. В Шайенском клубе — роскошном заведении, где собирались скотоводческие магнаты, — ходили слухи о неэффективном управлении, завышении численности стад и даже о сомнительной платежеспособности некоторых крупных предприятий. Один из его самых влиятельных членов, бывший президент клуба Хьюберт Тешмахер, решил той осенью ликвидировать свое ранчо даже себе в убыток, крайне обеспокоив тем самым инвесторов из Бостона и Нью-Йорка. Другой член клуба — Мортон Фрюэн, сквайр из Сассекса, основавший первую зарегистрированную в Англии акционерную скотоводческую компанию, — вернувшись в город после того, как отсутствовал там целый год, в письме к своей жене отметил, насколько тихим выглядел Шайенн. Казалось, что бурно развивающиеся предприятия города замерли, словно предчувствуя какую-то беду.

28-летний Теодор Рузвельт, третий год занимавшийся скотоводством на Территории Дакота, прозорливо оценил ситуацию в статье, которую написал той осенью для журнала *The Century Magazine*: «В нашем регионе, уже сейчас находящемся под угро-

зой перенаселения, рано или поздно наступит зима, которая сократит численность поголовья на пастбищах, уничтожив примерно половину всего скота на Северо-Западе»⁷.

Его оценка оказалась точной.

За неделю до того, как покинуть Территорию Дакота и вернуться в Нью-Йорк по Северной Тихоокеанской железной дороге, Рузвельт попрощался с двумя своими лучшими наемными работниками — Биллом Сьюэллом и его племянником Уилмотом Доу, которые управляли его ранчо Elkhorn («Олений рог»). Эти двое решили вернуться вместе с женами на Восток в родной штат Мэн. Сьюэлл с самого начала утверждал, что условия в Бедлендсе не подходят для содержания скота. Рузвельт возражал, и теперь ему приходилось за это расплачиваться.

Вскоре в Париж, как и всегда осенью, уехал сосед Рузвельта по Бедлендсу — француз маркиз де Морес. Он оставил огромную скотобойню и гигантское предприятие по переработке и хранению говядины, крупнейшее к западу от Чикаго, — своего рода памятник его амбициям и самолюбию. Империя этого аристократа балансировала на грани банкротства, хотя он и не признался в этом местному репортеру, — до того дошли тревожные слухи, и он решил расспросить обо всем маркиза прямо на вокзале.

Первая снежная буря разразилась в ноябре, затем последовала декабрьская сильнейшая метель со штормовым ветром, продолжавшаяся три дня. Второй снежный шторм застал Грэнвилла Стюарта в дилижансе между Масселшеллом и Флэт-Уиллоу. Видимость была настолько плохой, что он и другие пассажиры по очереди шли с фонарем перед упряжкой лошадей.

В январе наступила кратковременная оттепель, которую сопровождал теплый ветер «чинук»; однако снег, растаявший в результате этого потепления, превратился в толстую ледяную корку через несколько дней, когда вернулись холода.

Следующая буря длилась целых 10 дней. Температура упала до -30°C и продолжала падать до: -33°C и, наконец, 15 января — до -43°C . Местами в Дакоте температура достигла -51°C и держалась на этом уровне. Мелкий снег жалил лицо. Подхлестываемый ветром, он проникал в щели, под пороги и наметал небольшие кучки крупинок — крошечных, как песчинки в песочных часах.

Быки и коровы пытались укрыться перед бурей, но ледяная корка на снегу сдирала плоть с их ног. Пытаясь спрятаться в оврагах и сухих руслах рек, они вскоре оказывались погребенными под снежными наносами, где часто задыхались насмерть. Когда в поисках убежища появлялась следующая группа животных, на этом месте вскоре появлялся второй слой трупов. Других животных прижимало к заборам из колючей проволоки, и они, не в силах двинуться, замерзали на ветру. Первыми погибали стельные* коровы, за ними — старые быки, а затем нетели и молодые бычки. Когда ударили самые сильные холода, даже жирные быки умирали стоя, застывая на месте.

Та зима на северных пастбищах стала самой холодной за всю историю наблюдений.

На большинстве ранчо хозяева сокращали число работников на зимний период, и поэтому не хватало ковбоев, которые могли бы попытаться перегнать скот в безопасное место. Тедди Блю описывал ситуацию так: «Представьте себе, что вы целый день едете верхом в слепящую метель, температура пятьдесят-шестьдесят градусов ниже нуля**, и без обеда. Вы поднимаете стадо на холм, а другое спускается за вами, и все это происходит так медленно; вы пробираетесь за животными по глубокому снегу, приходится сражаться за каждый шаг пути... То же самое

* Стельная корова — беременная. Нетель — молодая телка, еще не телившаяся.

** Примерно от -45 до -51°C .

было повсюду в Вайоминге, Монтане и Колорадо, в западной Небраске и западном Канзасе»⁸.

Скот забредал на замерзшие реки, где проваливался в полыньи. Животные, шедшие по льду сзади, сталкивали в ледяную воду тех, кто двигался впереди. По оценкам Тедди Блю, Грэнвилл Стюарт потерял таким образом 6000 голов. «Лед шел слегка под уклон к полыньям. Помню, когда мы пытались загнать их обратно на холмы, одна несчастная корова соскользнула в воду. Она подняла голову и держалась за край льда только ею. Мы не могли ее вытащить — наши лошади не имели подков для гололеда, — так что мы ее застрелили»⁹.

Скот ослабел, и осмелевшие волки теперь могли наесться досыта. Когда Линкольн Лэнг заметил волчью стаю, наблюдавшую с безопасного расстояния за голодным молодым бычком, он решил отомстить, милосердно убив животное и начинив его тушу целой бутылкой стрихнина. На следующее утро он обнаружил на снегу пятнадцать мертвых крупных волков — по его мнению, рекордная добыча¹⁰ на одну приманку.

Февраль принес новую череду бурь — менее сильных, но более частых, и уцелевший скот оказался уже просто в отчаянном положении. Умиравшие животные забредали в городки в поисках пищи и крова. Быки и коровы бились головами в застекленные окна фермерских домов или пытались протиснуться в двери, от мучительного голода объедая толь* со стен хозяйственных построек. Люди в домах слышали отчаянное мычание коров, и осознание того, что они ничего не могут сделать для их спасения, разрывало их сердца. Многие из них будут слышать эти ужасающие звуки во сне еще долгие месяцы.

Смертоносная зима продолжалась — почти библейская по своей жестокости и продолжительности, — словно намерева-

* Толь — гидроизоляционный материал: картон, пропитанный дегтярными продуктами.

ясь смирить и пристыдить всех, кто участвовал в великом скотоводческом буме.

Когда наконец в апреле наступила оттепель и стоял снег, воздух наполнился смрадом смерти. Овраги и высохшие русла рек были завалены телами погибших животных, трупы также устилали ковром бескрайние поля. Туши свисали даже с деревьев, к которым животные подбирались по снежным сугробам, пытаясь обглодать ветки. Трупы лежали в дренажных канавах и весенних ручьях, они забивали целые участки рек. По словам Линкольна Лэнга, «достаточно было постоять несколько минут на берегу реки и понаблюдать за мрачной процессией, непрерывно двигающейся по течению, чтобы осознать всю глубину трагедии, разыгравшейся в последние несколько месяцев»¹¹. Ковбои быстро придумали название для этой трагедии — Большой падёж.

Тедди Рузвельт вернулся в Бедлендс, чтобы оценить ущерб, и, как говорят, три дня ехал на лошади, не увидев ни одного живого бычка.

Поначалу потери животных, как и финансовые потери, казались неисчислимыми. По словам Грэнвилла Стюарта, «это был похоронный звон для скотоводческого бизнеса в тех масштабах, в которых он велся раньше... Бизнес, который увлекал меня, вдруг сделался мне неприятен. Я больше не хотел им заниматься. Я не хотел снова оказаться в ситуации, когда не мог обеспечить своим животным корм и убежище»¹².

Рузвельт, потерявший более двух третей своего стада, сообщал своему другу Генри Кэботу Лоджу: «Потери сокрушительны. Впервые я совершенно не мог наслаждаться посещением своего ранчо. Буду счастлив вернуться домой». Своей сестре Анне он писал: «Я крайне опечален из-за этого скота; все еще хуже, чем я боялся; хотел бы я быть уверенным, что потеряю не больше половины вложенных денег. Теперь планирую, как из этого выбраться»¹³.

Один из крупнейших спекулятивных пузырей позолоченного века* сдулся. Однако его влияние на американскую идентичность, развитие промышленности, природоохранное движение и даже на внешнюю политику США еще только предстояло ощутить. Пожалуй, ни один цикл подъема и спада не оказал такого длительного влияния на американское общество, как возвышение и падение скотоводческого царства, однако, как ни странно, эта эпическая сага сегодня в значительной степени забыта.

Итак, перед вами история эры скотоводства на открытых пастбищах, рассказ о том, как на территории, некогда считавшейся Великой американской пустыней, возникла целая отрасль фермерского животноводства и как крупный рогатый скот вытеснял бизонов, стадо за стадом, пока «скотоводческая лихорадка» не сменилась бегством капитала.

Читатель может спросить: зачем нужно вновь возвращаться к событиям, связанным с малоизвестным скотоводческим бумом, на нынешнем этапе американской истории? Возможно, достаточной причиной является то, что последний раз эти события должным образом освещали более 40 лет назад¹⁴. Можно привести и еще четыре причины. Во-первых, недавние финансовые пузыри в сфере нефти, недвижимости и доткомов** напомнили всем американцам, что наша система свободного предпринимательства часто приводит к потрясениям, обусловленным циклами подъема и спада. Одна из целей этой книги — пролить свет на психологию и жадность, которые порождают инвестиционную манию, а также на финансовые и человеческие катастрофы, к которым приводит схлопывание пузырей в какой-либо области. Из этого можно извлечь определенные

* Позолоченный век — эпоха быстрого развития американской экономики после Гражданской войны и Реконструкции Юга. Термин придуман Марком Твенем.

** Дотком (англ. *dotcom*) — высокотехнологичная компания, которая работает в основном в интернете. Пузырь доткомов — завышение цены акций таких компаний во второй половине 1990-х гг. Обвальное падение индекса этих компаний произошло в марте 2000 г.

уроки. Во-вторых, автору, бывшему финансовому журналисту и инвестиционному менеджеру, живущему после выхода на пенсию в Вайоминге и разыскивающему идеи для литературного творчества, эта тема показалась подходящей нравоучительной историей о том, какую цену приходится платить тем, кто игнорирует экономические и экологические реалии в своем неумном стремлении к американской мечте. В-третьих, ретроспективный взгляд и более глубокое понимание мира природы дают нам более широкий контекст для изучения такой катастрофы, как Большой падеж. И наконец, рассказ об этой эпохе позволяет коснуться такой примечательной темы, как история ковбоя и его возвышения до статуса мифического героя.

В этой книге рассказывается об изнурительных перегонах лонгхорнов* от мескитовых зарослей на юге Техаса до скотоводческих городков Канзаса. Затем в ней описывается их путь через ворота кровавых чикагских скотобоен Union Stock Yards, откуда говядина отправляется в знаменитые нью-йоркские рестораны братьев Дельмонико, которые первыми стали популяризировать американский стейк. Вы узнаете, какой на самом деле была жизнь ковбоя на пыльных скотопрогонных тропах и в салунах и как миф, выросший вокруг него, удивительным образом расходится с реалиями его обычного существования. Миф о ковбое, несмотря на свое несоответствие действительности, оказался удивительно живучим, особенно после того, как его окончательно приукрасил писатель Оуэн Уистер. Этот миф не только породил новое направление (вестерн) в приключенческой литературе, кинематографе и индустрии развлечений, но и удивительным образом повлиял на нашу национальную политику.

В нашем путешествии мы посетим город Шайенн (штат Вайоминг) — крупнейший из скотоводческих городов на севере,

* Лонгхорн (англ. *longhorn* — «длинный рог») — порода крупного рогатого скота с длинными рогами.

с магазинами и величественными особняками, построенными в эпоху бума. Побывав в элитарном Шайенском клубе, мы увидим богатых скотоводов за работой и игрой, а также станем свидетелями того, как после периода небывалого подъема они пришли к таким сомнительным делам, как самосуд.

Что касается отдельных судеб, эта книга рассказывает, какие возможности и проблемы возникали у молодых людей, богатых и бедных, недавних выпускников Гарвардского университета или фермеров, таких как Тедди Блю Эбботт, отважившихся заняться скотоводством на Великих равнинах. Среди прочего мы проследим карьеры трех 25-летних аристократов, которые, поддавшись скотоводческой лихорадке, решили попытать счастья в этой области: англичанина Мортон Фрюэна, француза маркиза де Мореса и ньюйоркца Теодора Рузвельта. Отчасти благодаря опыту Теодора Рузвельта в годы его работы на ранчо на Территории Дакота в ту эпоху было положено начало американскому природоохранному движению.

Временами наше повествование отходит от этих событий, чтобы мы могли рассмотреть более масштабные силы, стимулировавшие индустриализацию сельского хозяйства и непосредственно влиявшие на нее. Мы увидим, что мировая торговля и потоки капитала определяли происходящее не меньше, чем сами скотоводы, способствуя привлечению инвестиций шотландских и английских финансистов, стремившихся получить более высокую прибыль на вложенный капитал. Связи скотоводческой отрасли с другими странами и рынками расширяли границы национальной торговли, вовлекая ее в зарождающийся глобальный рынок, а благодаря мультикультурному характеру торговли скотом — с ее разношерстными группами ковбоев и скотоводов и их конкуренцией с переселенцами, состав которых был не менее разнообразным, — эта отрасль не только помогла преодолеть региональные разногласия, возникшие в результате Гражданской войны, но и заложила основы той мультикультурной нации, которой сегодня является народ

Соединенных Штатов. Эра скотоводства в гораздо большей степени, нежели золотая лихорадка, сформировала романтическое представление о предпринимательстве: то самое стремление к личной свободе и экономическим возможностям, которое сегодня заставляет молодых выпускников колледжей устремляться в Кремниевую долину.

Действительно, именно предприниматели в сфере холодильной и мясоперерабатывающей промышленности, такие как Густавус Франклин Свифт и Филип Данфорт Армор, заложили основу для «американского века», используя новаторские методы управления, благодаря которым их предприятия превратились в первые в стране промышленные гиганты с полным циклом производства. Благодаря царству скотоводства и попыткам как можно быстрее кодифицировать разведение, убой и транспортировку животных, страна сделала гигантский шаг на пути к превращению в преимущественно индустриальное общество.

Этот период американской истории изобилует инновациями и отличался быстрым развитием в области медицины и технологий животноводства, что позволяло сколачивать состояния и спасать жизни. Не менее значимым событием стало изобретение колючей проволоки, которая буквально изменила ландшафт Запада и создала предпосылки для окончательного завершения той эпохи — ценой огромных личных проблем для многих ее ключевых игроков.

Сегодня нам приходится находить компромиссы между экономическими устремлениями и политикой в области общественного землепользования, которые противоречат друг другу — в немалой степени в результате влияния того скотоводческого царства. Мы также вынуждены искать равновесия между неограниченной эксплуатацией наших природных ресурсов и необходимостью бережного отношения к окружающей среде. Все эти проблемы начались в конце 1860-х гг. на открытых пастбищах.

Хотя царство скотоводов формально не прекратило свое существование после Большого падежа, он сильно пошатнул отрасль. По мнению большинства историков, настоящий конец той эпохи обозначила самая известная из последовавших далее земельных войн — кровавый запутанный конфликт, получивший название «война в округе Джонсон». Именно здесь ковбой и скотовод, олицетворяющие соответственно утрачивающую свою ценность рабочую силу и капитал, наконец сталкиваются в жестоком финале этой схватки, достойном голливудского вестерна.

Только трое из тех людей, о которых пойдет речь в этом повествовании, дожили до конца эпохи открытых пастбищ. Это ковбой Тедди Блю Эбботт, выпускник Гарварда Хьюберт Тешмахер и практичный шотландец Джон Клей. Возможно, их помнят не так хорошо, как других героев того времени, но личные истории этой троицы позволяют более полно продемонстрировать все стороны опыта, с которым приходилось сталкиваться молодым людям в этом коварном бизнесе.

Когда в конце весны 1887 г. было окончательно подсчитано число погибших животных, оказалось, что Большой падеж унес около миллиона голов — от 50 до 80%¹⁵ в различных стадах на северных пастбищах, что стало самой масштабной потерей животных¹⁶ за всю историю пастбищного животноводства. По количеству смертей с ним может сравниться только одно событие. Оно произошло в том же ландшафте всего 20 годами ранее, в начале великой эры скотоводства: речь идет об истреблении американского бизона.

ЧАСТЬ I

НАЧАЛО БУМА

ГИБЕЛЬ БИЗОНОВ

13 января 1872 г. в Норт-Платте (штат Небраска) на частном поезде в сопровождении свиты придворных в расшитых золотом мундирах прибыл 22-летний великий князь Алексей Романов, четвертый сын русского царя. Великий князь приехал поохотиться на бизонов.

Для торжественной встречи князя на вокзале собрали две пехотные роты, два эскадрона кавалерии, армейский оркестр, а также поваров и курьеров. Среди представителей принимающей стороны были такие знаменитости¹, как герой Гражданской войны генерал-майор Филип Генри Шеридан (в то время командующий военным округом Миссури), подполковник Джордж Армстронг Кастер, прославившийся в войнах с индейцами, и Уильям Фредерик Коди по прозвищу Буффало Билл, впоследствии ставший знаменитым благодаря гастролям его странствующего шоу «Дикий Запад».

Развлечения, которые устроили для именитого гостя в этой дикой местности, включали пышный пир среди палаток, поставленных у реки Ред-Уиллоу-Крик, и знакомство с вождями местных племен, в том числе с Пятнистым Хвостом из племени брюле-сиу, которого уговорили присоединиться к экспедиции

вместе с четырьмя сотнями воинов сиу в обмен на 25 повозок муки, сахара, кофе и табака. Возможно, американцы надеялись, что Пятнистый Хвост явится в своем знаменитом военном одеянии, украшенном более чем сотней скальпов, добытых в бою; однако он надел довольно поношенный костюм-двойку из серой шерстяной ткани, принятый у белых, лишь набросив на плечи индейскую накидку. Для пущей зрелищности группа воинов, приведенных Пятнистым Хвостом, исполнила традиционный военный танец.

В первое утро охоты группа галопом проскакала по холму и спустилась к большому стаду пасущихся бизонов. Если судить по явно приукрашенному рассказу Коди, князь оказался плохим стрелком. Он беспорядочно стрелял с лошади из пистолета по, как обычно, смирным бизонам и промахивался даже с небольшого расстояния. Только после того, как Коди вручил князю свою собственную винтовку Springfield Model 1863, прозванную «Лукреция Борджиа», русскому аристократу удалось завалить своего первого зверя. Тут же взвились флаги, присутствующие принялись размахивать шляпами, прозвучал тост под звон бокалов с шампанским. Князь соскочил с коня и саблей отрубил бизону хвост, чтобы унести в качестве трофея.

На следующий день князю удалось убить еще двух бизонов. Всего же за пять дней охоты он уничтожил восемь животных, включая двух, которых предположительно застрелил где-то в окрестностях Денвера из окна своего вагона. В Россию великий князь Алексей вернулся с хвостами, головами и дублеными шкурами бизонов в качестве сувениров.

Ничего подобного так называемой Большой царской охоте на бизонов на американской земле уже никогда не произойдет. Всего через три года охотиться на них станет невозможно: бизоны исчезнут.

В течение первых 90 лет существования новой республики большинство жителей Соединенных Штатов воспринимали открытые

пространства американского Запада как бесплодную пустошь, не имеющую ни внутренней стоимости, ни экономической ценности. С географической точки зрения ее считали глубокой периферией², Великой американской пустыней, пригодной для обитания только «диких» племен индейцев — несмотря на то что ее площадь составляла несколько сотен миллионов акров*. Эта огромная территория включала в себя Великие равнины, Высокие равнины, полусухие прерии и предгорья Скалистых гор и простиралась от реки Миссури, по которой в настоящее время проходит граница штата Айова, на запад до Скалистых гор, и от Красной реки, протекающей вдоль нынешней границы Техаса и Оклахомы, на север до Канады. Такое пренебрежительное отношение к просторам американского Запада сохранялось из-за неправильного представления об экологическом разнообразии этих земель и незнания того факта, что здесь водились стада бизонов, насчитывавшие десятки миллионов голов.

Коренные американцы, проживавшие на этих территориях, — около двух десятков племен разной численности — обладали гораздо более разумным взглядом на свои земли и жили в единении с природой и в духовной гармонии с ней. Культура и жизнь многих из этих племен зависели от бизонов, которые служили источником пищи, а также давали материал для одежды, жилья и оружия. При этом связь индейцев с бизонами, возможно, выражалась не просто в пассивном потреблении ресурсов, предоставляемых природой. Вероятно, в течение двух тысяч лет индейцы активно разводили животных на Великих равнинах, рассматривая эту территорию как одно гигантское пастбище³, находящееся в их владении. Вполне возможно, что они выжигали леса под пастбища, чтобы стимулировать рост травы, которой кормились бизоны; если эта гипотеза верна, то она опровергает популярный миф о том, что во времена заселения европейцами американский Запад был девственно дикой территорией.

* Акр — около 0,4 га.

Те, кому довелось увидеть гигантские стада бизонов, не могли забыть это зрелище. Самые большие из них, казалось, покрывали обширные долины сплошным черным меховым ковром, соперничая по численности со всеми стадами диких животных, которые люди видели в африканских саваннах. В 1839 г. Томас Фарнхэм, ехавший по тропе Санта-Фе*, сообщил, что ему потребовалось три дня, чтобы пробраться сквозь стадо бизонов, преодолев при этом 45 миль (72 км). В какой-то момент он видел бизонов на 15 миль (24 км) во всех направлениях, что позволяет оценить площадь, занимаемую стадом, примерно в 1350 кв. миль (3500 км²). В 1859 г. Люк Вурхиз утверждал, что где-то на границе Колорадо и Небраски двигался через скопления этих животных на протяжении двух сотен миль (320 км). А лет десять спустя полковник Р. Додж проехал у реки Арканзас через стадо⁴, ширина которого составляла 25 миль, а длина — 50 (40 и 80 км).

Художник Джордж Кэтлин плыл на каноэ по Миссури на Территории Дакота и за поворотом реки столкнулся с одним из таких колоссальных стад, которое переправлялось через поток. Плывущие фыркающие животные фактически запрудили реку. Кэтлин и его перепугавшиеся спутники успели вытащить свои каноэ на берег — еще несколько секунд, и стадо бы их просто раздавило. Долгие часы они ждали⁵, пока бизоны пересекут поток, наблюдая, как животные спускаются с зеленых холмов на одной стороне, переплывают реку сплошной массой голов и рогов, а затем галопом поднимаются по откосам на другой стороне. За это время бизоны успели разрушить берег высотой около 5 м, прорезав себе дорогу по обе стороны реки.

Представления белых людей о равнинах и прериях в конце концов начали меняться в связи с бурным экономическим развитием в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне. Этому способствовали крах пушной торговли, обнаружение

* Тропа Санта-Фе — маршрут длиной около 1400 км, соединявший в XIX в. города Франклин (штат Миссури) и Санта-Фе (штат Нью-Мексико).

золота, строительство железных дорог и потоки переселенцев, двигавшиеся на запад по Орегонской и Мормонской тропам*, а также тропе Санта-Фе. Благодаря бывшим добытчикам пушнины и направлявшимся в Калифорнию переселенцам, которые перегоняли своих быков и коров, к началу 1860-х гг. в западных фортах и форпостах появились первые маленькие стада крупного рогатого скота. Небольшое количество скота разводили владельцы магазинов и торговцы, стремившиеся накормить прибывающих рудокопов и железнодорожных рабочих. Первые скотоводы Запада, такие как Джон Уэсли Илифф — бывший бакалейщик, создавший в 1861 г. рядом с Денвером стадо, чтобы кормить железнодорожников, начали верить в то, что одомашненный скот вполне может выдержать местные длительные зимы и засушливый климат. Если бы это предположение оказалось верным, то скотоводство на открытых пастбищах могло бы принести большие деньги.

Контракты, заключенные Илиффом с железнодорожными компаниями и военными фортами, оказались такими выгодными, что он сумел купить более сотни миль земли вдоль реки Саут-Платт в Колорадо. Со временем его угодья расширились настолько, что он мог неделю ехать в одном направлении, ночуя исключительно в строениях, принадлежавших собственному ранчо. Он стал первым, кто получил прозвище «король скота».

Однако если появляется домашний скот, то конкурирующие с ним на пастбищах бизоны должны исчезнуть, хотя скотоводы редко говорили об этом открыто. Изначально такой исход казался совершенно невероятным — если учесть, казалось бы, бесконечное количество бизонов. Однако за поразительно короткий срок — менее 20 лет — бизоны оказались на грани

* Орегонская тропа (около 3200 км) соединяла штат Миссури с территорией современного штата Орегон на северо-западном побережье Соединенных Штатов. Мормонская тропа (около 2100 км) шла от штата Иллинойс до основанного мормонами города Солт-Лейк-Сити в штате Юта.

вымирания, и к югу от Канады их осталось всего лишь 325 особей. Тем временем их место заняли около 5,5 млн голов крупного рогатого скота — поначалу почти исключительно техасские лонгхорны. Один вид крупных копытных животных вытеснил другой почти так же уверенно, как автомобили вытеснили конные повозки. Считалось, что крупный рогатый скот превосходит бизонов в качестве машины для переработки травы в шкуру и мясо, а в конечном итоге — в доллары.

Хотя и кашалот, и калан, и обреченный на вымирание странствующий голубь столкнулись с аналогичной угрозой со стороны жаждущих наживы охотников и бизнесменов, ничто не могло сравниться с массовым истреблением бизонов по численности жертв, проявленной при этом расточительности и скорости приближения животных к вымиранию. Колоссальные усилия людей по их уничтожению привели к ужасающей кровавой бойне. С точки зрения стороннего наблюдателя эта перемена выглядела бы, наверное, как простой экологический трюк: в мгновение ока бизоны исчезли — и на их месте появился крупный рогатый скот.

Этот великий переход, когда на смену одному виду подсемейства бычьих пришел другой, ознаменовал, как пишет историк Ричард Уайт, «превращение равнин, пустынь и гор из биологической республики в биологическую монархию, в которой царил человек, бесполезность низших живых существ была преступлением, караемым смертью, а господствующей ценностью оказалась предприимчивость»⁶. Такое владычество над американским Западом и различными видами обитающих там животных стало возможным с появлением железных дорог.

По мере медленного продвижения Тихоокеанской железной дороги, которую строила компания Union Pacific, через континент, рельсы поделили всю популяцию бизонов на два основных стада — южное и северное. Южное стадо, насчитывавшее около 5 млн животных, исчезло всего за четыре года — с 1872 по 1875 г. Несколько меньшее по численности северное стадо поддержа-

лось дольше, но после аналогичного натиска исчезло к 1883 г. Этому способствовало строительство новых железнодорожных линий: они обеспечили легкий доступ к бизонам для промысловых охотников и людей, убивавших зверей ради развлечения.

Руководство железных дорог поощряло такую охоту, надеясь тем самым избавиться от стад, которые часто перекрывали пути и из-за которых локомотивы сходили с рельсов. При встрече поезда с бизонами возникала атмосфера, напоминающая карнавал. Пассажирам предлагали стрелять в зверей из окон вагонов. Подстреленных животных оставляли умирать, и их туши гнили, валяясь вдоль путей. Исчезновению бизонов радовались и телеграфные компании: животные по очереди терлись о телеграфные столбы, и за считанные часы звери могли повалить их⁷, нарушив жизненно важную линию связи.

Первоначально промысловые охотники работали в одиночку или парами; они добывали шкуры бизонов для изготовления накидок и одеял. Эта работа была крайне грязной, и статус профессии был настолько низок, что первые скотоводы избегали таких охотников, именуя их «вонючками», поскольку их одежда часто пахла кровью и навозом бизонов. Тедди Блю писал про них следующее: «Охотники на бизонов не мылись и выглядели как животные. Они носили прочную, тяжелую, теплую одежду, никогда ее не меняя. Можно было видеть, как они втроем или вчетвером подходят к бару, запускают руки под одежду и ждут, кто первым поймает вошь, чтобы выпить. Они были все покрыты вшами и гордились этим»⁸.

То, что начиналось как кустарный бизнес, вскоре превратилось в полноценную индустрию. Из дубленых шкур изготавливали мужскую верхнюю одежду, добавляя фланелевую подкладку. Еще одним популярным товаром было покрывало для ног. Такими шкурами прикрывали колени во время поездок в санях или карете, однако их использовали и в помещении, поскольку центрального отопления еще не существовало. Лучшим материалом для покрывал считалась зимняя шкура самок,

поскольку мех на ней был менее грубым, чем у быков. Вскоре охотники начали специально отстреливать самок.

Окончательно судьбу бизонов решило открытие, сделанное на одной из кожевенных фабрик в Филадельфии. Из сшитых полос бизоньей шкуры получались отличные ремни, которые использовались при изготовлении приводов для стационарных паровых двигателей и другого промышленного оборудования. Практически в одночасье спрос на бизоньи шкуры стал круглогодичным. Для его удовлетворения создавались синдикаты охотников, вооруженных новейшими винтовками, заряжавшимися с казенной части⁹.

Затем последовала настоящая кровавая оргия.

Каждый, кто сталкивался с бизоном в дикой природе, подтвердит, что это удивительно смиренное животное, которое нелегко вывести из себя. Охотиться на бизонов — все равно что ловить рыбу в бочке. Историк Френсис Паркман в книге «Калифорнийская и Орегонская тропа»^{*} описал два наиболее распространенных способа охоты на бизонов. При первом методе — «осторожной охоте» — охотник приближался к стаду тихо, пешком. «Бизоны — странные животные; они настолько глупы и иногда так заняты чем-то, что человек может подойти к ним по прерии совершенно открыто и даже застрелить нескольких, прежде чем остальные задумаются о необходимости удрасть»¹⁰. Ему следовало бы добавить, что такая форма охоты — и не охота вовсе, а настоящая бойня.

Второй, гораздо более захватывающий способ — конная охота — состоял в том, что всадники неслись галопом, настигали стадо, отсекали несколько убегающих животных и стреляли с близкого расстояния. К недостаткам этого способа относились вполне реальная опасность того, что раненый бизон может раз-

^{*} Калифорнийская тропа — маршрут (2600 км), по которому переселенцы двигались из Миссури в Калифорнию. В первой части совпадала с Орегонской тропой.